

УДК 341.64

ДОКТРИНА КОНСЕНСУСА: ПОИСК ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО СТАНДАРТА

Оганесян Т. Д.

Дипломатическая академия МИД России

Доктрина «европейского консенсуса» является ключевым инструментом Европейского суда по правам человека при толковании конвенционных норм и поиска общеевропейского стандарта. Суд определил, что Европейская конвенция по правам человека является «живым инструментом» и что при толковании Конвенции с течением времени Суд должен принимать во внимание меняющиеся взгляды в обществе. Европейский консенсус является элементом так называемой эволютивной интерпретации Конвенции. Тем не менее, детали его происхождения и сферы применения остаются спорными и время от времени дают повод для критики в адрес Суда за использование им концепции европейского консенсуса. Особое внимание уделяется терминологическим тонкостям применения различных дефиниций при формулировке консенсуса. Отмечается, что расплывчатость формулировок ЕСПЧ при выявлении консенсуса становится не только объектом критики, но и вызывает сложности при понимании «общеевропейского стандарта». В этой связи анализируются правовые позиции ЕСПЧ и доктринальные позиции ведущих ученых по данному вопросу. Анализ научных работ ряда исследователей позволили автору выявить некоторые критические замечания, связанные с применением Судом консенсуса. В заключительной части статьи отмечается, что с помощью данной доктрины ЕСПЧ сохраняет легитимность своих постановлений, однако все чаще прибегает к расширению понятия «консенсуса».

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; защита прав человека; консенсус; эволютивное толкование.

Общеевропейские стандарты играют значительную роль в прецедентной практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд) и влияют непосредственно на интерпретацию Европейской конвенции по правам человека (далее – Конвенция). Это особенно очевидно, когда Суд ссылается на общие ценности и стандарты, проводя анализ практики и законодательства государств-членов Совета Европы. Доктрина европейского консенсуса служит для ЕСПЧ средством обоснования своих постановлений, в которых предлагается расширительное толкование конвенционных норм. С помощью доктрины консенсуса Суд стремится создать среди государств-членов Совета Европы атмосферу единого понимания прав человека. Такой подход позволяет Суду показать, что он осведомлен о нынешних намерениях государств-членов и обеспечивает определенный уровень предсказуемости при эволютивном толковании Конвенции. Доктрина консенсуса направлена на поиск баланса между толкованием Конвенции как развивающегося, живого инструмента современного права прав человека и интересами государств-членов Совета Европы.

Применяя различные синонимы слова «консенсус», ЕСПЧ должен быть более последовательным в использовании этой терминологии, чтобы не вызвать в последующем определенную «*confusion*» в понимании сущности этой концепции. То обстоятельство, что ЕСПЧ играет с этими терминами свидетельствует о том, что сами судьи ЕСПЧ, возможно, еще не понимают в полной мере содержание понятия «консенсус» в практике ЕСПЧ. Например, в деле *X., Y. and Z. v. the United Kingdom* ряд судей ЕСПЧ высказывались о том, чтобы отказаться от использования понятия «консенсус». В частности, судьи Касадевалл, Зиемеле, Ковлер, Йочене, Шикута, Де

Гаэтано и Сицилианос отметили: «должны ли мы всегда придерживаться несколько ограничительного понятия консенсус, которое редко встречается в реальной жизни? Не было бы уместнее и проще говорить в терминах “тенденции”?» [1]. Существующий скепсис в словах судей про использование Судом понятия «консенсуса» может свидетельствовать о том, что и судьи ЕСПЧ понимают, что «консенсус» иногда не совсем точно отражает то, что хочет сказать Суд.

В деле *Grant v. United Kingdom* ЕСПЧ объяснил соответствующий стандарт как «состояние европейского и международного консенсуса» (the state of European and international consensus) [2]. А в деле *Evans v. United Kingdom* Суд охарактеризовал соответствующий стандарт как «международный консенсус» и «общую позицию государств-членов» [3]. В деле *Ploski v. Poland* Суд также охарактеризовал соответствующий стандарт как тенденцию, чем как «консенсус». Суд постановил, что отказ польских властей предоставить заключенному разрешение присутствовать на похоронах его родителей нарушил статью 8 Конвенцию, отметив «формирующийся консенсус относительно стандартов, которые должны быть достигнуты» [4].

ЕСПЧ необходимо каждый раз при применении консенсуса давать четкое объяснение того, когда развивающаяся европейская тенденция достигает уровня консенсуса. Однако нужно понимать, что «тенденция» и «консенсус» не идентичные понятия. Сионаид Дуглас-Скотт, профессор Лондонского университета Королевы Марии, отмечает, что понятие «тенденция» означает нечто «зарождающееся, зачаточное, еще не полностью сформированное», тогда как понятие «консенсус» подразумевает «нечто более четко определенное – кристаллизацию тенденций в нечто более существенное» [5, p. 172]. Несмотря на то, что эти термины отличаются друг от друга, Суд тем не менее склонен употреблять эти два понятия как идентичные, что является еще одним поводом для критики Суда. Наряду с термином «тенденция» Суд иногда использует в качестве синонима консенсуса и другие понятия: «общий европейский стандарт» (common European standard) [6], «общий стандарт» (common standard) [7], «международный консенсус» (international consensus) [8], «европейский консенсус» (European consensus) [9].

Как видим термин «консенсус» не только недостаточно четко определен в практике Суда (понятие «консенсус» в тексте Конвенции отсутствует), но иногда происходит его подмена. Примечательно, что началом применения консенсуса Судом служат постановления по вышеупомянутым делам Тайрера и Маркса. Парадоксально, но в деле *Tyrer v. the United Kingdom* Суд при эволютивном толковании не согласился с общепринятыми стандартами: «На Суд не могут повлиять события и общепринятые стандарты в государстве-члене Совета Европы» [10].

Расплывчатость формулировок ЕСПЧ при выявлении консенсуса также становилось объектом критики. В некоторых делах Суд констатирует консенсус без прямого включения соответствующих сравнительных данных в текст решения. В деле *Tyrer v. the United Kingdom* Суд, указав, что в Европе существует консенсус против судебных телесных наказаний, не представил никаких сравнительных данных в поддержку этого заявления. Можно предположить, что в деле Суд еще был неопытен при формировании доктрины консенсуса и только начинал его применение. Этим можно объяснить не включение сравнительных данных в поддержку выявленного консенсуса.

Если рассматривать консенсус как тенденцию, нежели буквальное согласие среди государств членов Совета Европы, то логичным выглядит определение консенсуса, предложенное Константином Дегтяревым: консенсус лучше всего интерпретировать как «презумпцию, благоприятствующую решению проблемы прав человека, которое принимается большинством Договаривающихся сторон» [11, р. 9]. Йенс Тайлен, научный сотрудник Университета Гельмута Шмидта (Гамбург), определяет европейский консенсус как «форму сравнительно-правовой аргументации, которая вертикально отсылает к позициям, занятым государствами - участниками ЕКПЧ, рассматриваемым через призму коллективности» [12, р. 20].

Если основывать консенсус на теории социального выбора, то «если все государства Европы имеют одинаковую склонность к принятию хороших законов, и если Европейская комиссия сможет проанализировать все их национальные законы, то наилучшие результаты в соответствии с теоремой присяжных будут достигнуты, если следовать большинству государств» [13, р. 29]. Данная идея не совсем отражает действительное применение Судом консенсуса, поскольку Суд не всегда поддерживает консенсус большинства государств-участников Конвенции. Нередко Суд строит свой консенсус, основываясь на позиции меньшинства.

Еще один тонкий вопрос касается того, как именно Суд может определить, что существует достаточный консенсус для обоснования эволютивного толкования. Очевидно, что при отсутствии консенсуса среди государств-участников Конвенции, Суд обращается к международным актам, тенденциям и вспомогательным источникам. Однако за время рассмотрения дела может пройти достаточное количество времени, в течение которого международные тенденции по определенным вопросам могут измениться. И в этом случае Суду предстоит решить: следует ли рассматривать дело на основе уровня консенсуса, который существовал на момент предполагаемого вмешательства или на момент рассмотрения дела. Исходя из прецедентной практики ЕСПЧ однозначного ответа нет и Суд непоследователен в этом вопросе.

Источники консенсуса. Источники мягкого права, решения и акты иных международных органов и организаций также могут быть использованы Судом при мотивировке применения эволютивного толкования. В постановлении по делу *Demir and Baykaya v. Turkey* Большая Палата ЕСПЧ отметила, что при установлении консенсуса Суд рассматривает как соответствующее внутреннее право и практику, так и элементы международного права, имеющие отношение к этому вопросу [14]. Яннеке Джерардс отмечает, что обращение к решениям и актам международных договорных органов или конкретных международных организаций является преимуществом, поскольку они часто являются узкоспециализированными. В частности, международные договорные органы или конкретные международные организации или комитеты могут обладать опытом, которого не хватает Суду [15, р. 97].

При эволютивном толковании Суд придерживается подходов, принятых в международном праве. Об этом говорится в постановлении Большой Палаты Суда по делу «Баятян против Армении»: «...определяя значение терминов и понятий, содержащихся в тексте Конвенции, Суд может и должен принимать во внимание, помимо Конвенции, основы международного права, а также толкование данных основ компетентными органами. Консенсус, вытекающий из специализированных международных правовых актов, может являться для Суда фактором, имеющим

значение по делу, при толковании им положений Конвенции в конкретных делах» [16].

В постановлении по делу *Opuz v. Turkey* о бытовом насилии в отношении женщин Суд заявил, что «при рассмотрении определения и сферы охвата дискриминации в отношении женщин, в дополнение к более общему значению дискриминации, определенному в его прецедентном праве. ...Суд должен учитывать положения более специализированных правовых документов и решения международных юридических органов по вопросу о насилии в отношении женщин» [17]. Важно понимать, что такие вспомогательные документы и источники используются Судом в сочетании с другими источниками и в большинстве случаев для подтверждения или отрицания существующего консенсуса по определённому вопросу.

По мнению Ф. Тулкенс, при установлении наличия консенсуса Суд в последнее время менее систематически прибегает к сравнительным исследованиям национального права и чаще анализирует «указания», содержащиеся в различных документах (даже в документах мягкого права), будь то европейских или международных [18, р. 7]. Так, в деле *Demir and Baykara v. Turkey* Суд отметил, что «консенсус, вытекающий из специализированных международных документов, может представлять собой соответствующее соображение для Суда при толковании положений Конвенции в конкретных случаях» [14]. В этом случае Суд сослался на иные международные акты в качестве элементов или факторов «объективизации» эволютивного или консенсусного толкования [19, р. 38].

Помимо ссылок на универсальные международные документы ЕСПЧ при определении консенсуса ссылается и на документы региональных органов. Например, в деле *Dickson v. United Kingdom* [20] Суд сослался на Рекомендации Комитета министров по европейским тюремным правилам [21]; в деле *Marckx v. Belgium* [22] – на Европейская конвенция о правовом статусе детей, рожденных вне брака; в деле *Chapman v United Kingdom* [23] – на Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, принятой в Страсбурге 1 февраля 1995 года. В ряде дел ЕСПЧ также сослался на некоторые законодательные (директивы) и политические (резолуции Европарламента) акты, изданные институтами ЕС.

В эволютивных постановлениях Суда можно также обнаружить ссылки на законодательство ЕС при поиске консенсуса. Яннеке Джерардс аргументирует это тем, что растет число областей, в которых существует вероятность совпадения стандартов прецедентной практики ЕСПЧ и законодательства ЕС, например, в отношении вопросов предоставления убежища или защиты данных [15, р. 102]. Ссылаясь на региональные акты и документы интеграционных организаций, ЕСПЧ использует в качестве дополнительных средств, усиливающих именно тот консенсус, которым хочет подтвердить эволютивное толкование.

Внутренний консенсус (internal consensus). Константин Дегтярев отмечает, что, если Суд решит «превзойти» (trump) европейский консенсус внутренним консенсусом, это поставит под угрозу легитимность Суда [11, р. 36]. Тем не менее в делах *Tyrer v. the United Kingdom*, *Dudgeon v. the United Kingdom*, *A., B. and C. v. Ireland* внутренний консенсус находился в фокусе Суда. В деле *Tyrer v. the United Kingdom* Суд поставил под сомнение довод генерального прокурора острова Мэн о том, что телесные наказания не возмущают общественное мнение на острове и не считаются унижающими достоинство теми представителями населения острова Мэн. В деле

Dudgeon v. the United Kingdom британские власти заявили, что продолжающаяся криминализация мужского гомосексуалистов в Северной Ирландия являлось результатом консервативности ирландского общества в вопросе гетеросексуального поведения и декриминализация гомосексуальности нанесла бы серьезный ущерб моральной структуре североирландского общества [24].

Как отмечает Томас Кляйнляйн внутренний консенсус может быть преодолен европейским консенсусом, если первый будет основан на более сложной процедуре, которая способна обеспечить деликатный процесс балансирования [25, р. 879]. Например, как это было в деле *A., B. and C. v. Ireland*, в котором запрет на аборт был подтвержден результатами референдума. Примечательно, что в этом деле Суд избегал прямого выбора между внутренним консенсусом и европейским консенсусом. Внутренний консенсус в этом деле был использован Судом с целью отразить «глубокие моральные взгляды» (profound moral views) ирландского народа в контексте вопроса о запрете абортов. Суд согласился с государством-ответчиком в том, что в отношении абортов в Ирландии существует внутренний консенсус, подтвержденный результатами трех референдумов. В то же время Суд отметил, что существует европейский консенсус в пользу разрешения абортов на более широких основаниях, чем предусмотрено ирландским законодательством [26]. Далее Суд отметил: «Отсюда следует, что, даже если из упомянутых национальных законов следует, что большинство Договаривающихся сторон, возможно, в своем законодательстве разрешили эти конфликтующие права и интересы в пользу более широкого легального доступа к абортам, этот консенсус не может быть решающим фактором при рассмотрении Судом вопроса о том, является ли оспариваемый запрет на аборт в Ирландии для соображения здоровья и благополучия обеспечивали справедливый баланс между конфликтующими правами и интересами, несмотря на эволюционное толкование Конвенции» [26]. В этом случае выбирая между внутренним консенсусом и европейским консенсусом Суд склонился в пользу первого. Нельзя не согласиться с судьями Розакис, Тюлькенс, Фура, Хирвела, Малинверни и Поалелунги в том, что обращение Суд к внутреннему консенсусу представляется сомнительным и ставит под вопрос легитимность такого решения, поскольку лишь европейский консенсус повышает легитимность решений Суда в таких морально чувствительных вопросах.

С точки зрения международного права, посредством эволютивного толкования региональных договоров по правам человека, основанного на понятии консенсуса, можно объяснить сложные отношения, которые эти органы поддерживают с национальными судами. В качестве примера уместно рассмотреть постановление ЕСПЧ по делу «*Bayatyan v. Armenia*». В данном деле Палата не сочла противоречащим праву на свободу мысли, совести и религии (ст. 9 Конвенции) уголовные нормы Армении, предусматривающие ответственность за отказ от службы в армии по религиозным убеждениям (заявитель принадлежал к Свидетелям Иеговы). И все это несмотря на то, что заявитель утверждал о существовании консенсуса в государствах-членах Совета Европы относительно декриминализации этого типа отказ от военной службы по соображениям совести. Палата придала указанному консенсусу второстепенное значение роль, признала ее недостаточно важной, не прибегнув тем самым к эволютивному методу толкования [16]. После передачи дела в Большую Палату ЕСПЧ признал Армению ответственной за нарушение ст. 9 Конвенции, про-

верив наличие «подавляющего количества» государств, которые признали право на отказ от военной службы по религиозным убеждениям и напомнила, что одним из обязательств, взятых на себя Арменией при вступлении в Совет Европы, было как раз введение мер, направленных на признание этого права. Можно отметить, что Палата придерживалась осторожного подхода к консенсусу и решила придерживаться в своем решении юридической тенденции, сложившейся до того времени, оставив Большой Палате ответственность за изменение прецедентной практики.

Другой вопрос заключается в том, что делать, если при общеевропейском консенсусе государство-ответчик возражает относительно эволютивного толкования. Обычно Суд лоббирует свое эволютивное толкование, даже если государство-ответчик несогласно с новым толкованием. Однако в исключительно порядке противоположный ответ на этот вопрос можно найти в постановлении по делу *F. v. Switzerland*, которое касалось трехлетнего запрета на повторный брак после развода в Швейцарии. В этом деле Суд сделал исключение для Швейцарии и позволил не соблюдать европейский консенсус, ссылаясь на «культурные и исторические традиции каждого общества»: «тот факт, что в конце постепенной эволюции страна оказывается в изолированном положении в отношении одного аспекта своего законодательства, не обязательно означает, что этот аспект нарушает Конвенцию, особенно в области брака, которая так тесно связана с культурными и историческими традициями каждого общества и его глубоко укоренившиеся представления о семейной ячейке» [27].

Критика консенсуса. Основная критика доктрины консенсуса заключается в том, что данная доктрина недостаточно четко сформирована Судом и методика ее использования не является последовательной.

Профессор юридического факультета Риджентского университета (США) Джеффри А. Браух, критикуя консенсусный подход ЕСПЧ и призывая отказаться от него, отмечает: «Нет никакой юридической определенности, потому что никто на самом деле не знает, что такое стандарт. Отсутствие предсказуемости непосредственно вытекает из этого. Ни заявитель, ни государство-член не могут знать, соответствуют ли их действия Конвенции, не зная точно, что такое "консенсус" или, когда он достигнут. Они не знают, должны ли они контролировать правовые и культурные изменения только в Европе или во всем мире. ... ЕСПЧ трактует стандарт очень по-разному от случая к случаю. ... Аналогичной тенденции в отношении легальной рекламы нет. Будучи не в состоянии обеспечить определенность, предсказуемость и равенство, свобода усмотрения, основанная на этом глубоко ошибочном консенсусном стандарте, нарушает верховенство закона» [28, р. 290].

Другая часть критики касается того, что использование консенсуса при эволютивном толковании предполагает консенсус среди большинства государств. Соответственно, шанс, что права меньшинств также будут развиваться и расширяться Судом с помощью эволютивного толкования невелик. Однако, такой взгляд немного поверхностный. Как уже было отмечено, консенсус среди договаривающихся государств является лишь одним из средств аргументации эволютивного толкования и одним из видов консенсуса. При желании расширить права меньшинств у Суда есть и другие средства, например, международный консенсус, экспертный консенсус, ссылка на международные тенденции или внутригосударственный консенсус. Главная особенность заключается не в виде использованного консенсуса, а в убедитель-

ности и обоснованности аргументации Суда. Можно утверждать, что права меньшинств также эффективно защищаются с помощью консенсуса при эволютивном толковании. Например, в деле *D.H. and others v. the Czech Republic* Суд отметил, что «среди договаривающихся государств Совета Европы формируется международный консенсус, признающий особые потребности меньшинств и обязательство защищать их безопасность, самобытность и образ жизни не только с целью защиты интересов самих меньшинств, но для сохранения культурного разнообразия, представляющего ценность для всего сообщества» [29]. Более того, в деле *Dudgeon v. the United Kingdom* Суд использовал консенсус для обоснования защиты прав гомосексуалистов по вопросу декриминализации гомосексуалистов по обоюдному согласию.

Выводы. Консенсус применяется Судом для поддержки своей аргументации Суда и легитимации своих выводов в тех делах, в которых Суд решает применить эволютивное толкование. Консенсус служит инструментом для разработки «единого стандарта» прав человека, расширения объема содержания определенных прав и свобод, особенно в так называемых деликатных в делах. Если Суд обнаруживает отсутствие общеевропейского консенсуса по какому-либо вопросу, то государству-ответчику предоставляется свобода усмотрения для регулирования рассматриваемого вопроса. И наоборот, при наличии консенсуса среди государств-членов Совета Европы по конкретному вопросу, свобода усмотрения государства ограничивается.

Посредством консенсуса ЕСПЧ также стремится повысить легитимность своих постановлений путем приведения своего толкования Конвенции в соответствие с общими ценностями государств-членов Совета Европы. При этом поиск Судом общих ценностей и их содержания в рамках консенсусного подхода выходит за рамки простого сравнительного анализа практики и законодательств государств-членов. В частности, Суд не всегда полагается на анализ европейского консенсуса при отсутствии адекватного метода определения совместных ценностных обязательств, особенно если он желает утверждать, что такие общие ценности обладают необходимым моральным нормативным авторитетом, позволяющим влиять на интерпретацию Конвенции. Вопрос о том, должен ли Суд практически определить общие ценностные обязательства в том смысле, как это изложено в этой статье, и если да, то каким образом, является предметом дальнейших исследований.

Список литературы:

1. ECtHR. *X. and others v. Austria*, Application No 19010/07, Judgment of 19 February 2013, Dissenting opinion of judges Casadevall, Ziemele, Kovler, Jočienė, Šikuta, De Gaetano and Sicilianos, para. 15.
2. ECtHR. *Grant v. the United Kingdom*, Application No 32570/03, Judgment of 23 May 2006, para. 39.
3. ECtHR. *Evans v. the United Kingdom*, Application No 6339/05, Judgment of 10 April 2007, para. 427.
4. ECtHR. *Płoski v. Poland*, Application No 26761/95. Judgment of 12 November 2002, para. 27.
5. Douglas-Scott S., Pierre Menard B. *Quixote and the Idea of a European Consensus*, in: *Building consensus on European consensus: judicial interpretation of Human Rights in Europe and beyond*, (Panos Kapotas & Vassilis P. Tzevelekos eds.) – 2019. – P. 172.
6. ECtHR. *X, Y and Z v. UK (GC)*, Application No 21830/93, Judgment of 22 April 1997, para. 44
7. ECtHR. *T. v. UK (GC)*, Application No 24724/94, Judgment of 16 December 1999, para. 72
8. ECtHR. *Lee v. UK (GC)*, Application No 25289/94, Judgment of 18 January 2001, para. 95
9. ECtHR. *Evans v. UK (GC)*, Application No 6339/05, Judgment of 10 April 2007, para. 45
10. ECtHR. *Tyrer v. the United Kingdom*, Application No 5856/72, Judgment of 25 April 1978, para. 183.
11. Dzehtsiarou K. *European Consensus and the Legitimacy of the European Court of Human Rights*. Cambridge: Cambridge University Press. – 2015. – P. 9.

12. Theilen T. Jens. European Consensus between Strategy and Principle. The Uses of Vertically Comparative Legal Reasoning in Regional Human Rights Adjudication. Nomos Verlagsgesellschaft Mbh & Co. – 2021. – P. 20.
13. Dothan S. The Optimal Use of Comparative Law // *Denver Journal International Law & Policy*, Vol. 43. – 2014. – Pp. 21-44.
14. ECtHR. *Demir and Baykaya v. Turkey* (GC), Application No 34503/97, Judgment of 12 November 2008, para. 76-86
15. Gerards J. *General Principles of the European Convention on Human Rights*. Cambridge University Press. – 2019. – 274 p.
16. ECtHR. *Bayatyan v. Armenia*, Application No 23459/03, Judgment of 7 July 2011, para 102.
17. ECtHR. *Opuz v. Turkey*, Application No 23459/03, 33401/02, Judgment of 9 June 2009, paras. 184–185.
18. Tulkens F. Introduction // *Dialogue Between Judges, European Court of Human Rights, Council of Europe*. – 2011. – P. 6–10, 7. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Dialogue_2011_ENG.pdf
19. Tulkens F., Drooghenbroeck S. Van, *Le soft law des droits de l’homme est-il vraiment si soft? Les développements de la pratique interprétative récente de la Cour européenne des droits de l’homme*. Liber amicorum Michel Mahieu, Brussels, Larcier. – 2008. – p. 505.
20. ECtHR. *Dickson v United Kingdom* [GC], Application No 44362/04, Judgment of 4 December 2007, para 75.
21. Recommendation CM/Rec(2006)2 of the Committee of Ministers to Member States on the European Prison Rules, adopted by the Committee of Ministers on 11 January 2006 at the 952nd meeting of the Ministers’ Deputies.
22. ECtHR. *Marckx v. Belgium*, Application No 6833/74, Judgment of 13 June 1979, paras 41 and 58.
23. ECtHR. *Chapman v United Kingdom* [GC], Application No 27238/95, Judgment of 18 January 2001, paras 93–94.
24. ECtHR. *Dudgeon v. the United Kingdom*, Application No 7525/76, Judgment of 22 October 1981, para. 46.
25. Kleinlein T. Consensus and Contestability: The Esther and the Combined Potential of European Consensus and Procedural Rationality Control // *The European Journal of International Law*. Vol. 28 no. 3. – 2017. – P. 879.
26. ECtHR. *A., B. and C. v. Ireland*, Application No 25579/05, Judgment of 16 December 2010, para. 237.
27. ECtHR. *F. v. Switzerland*, ECtHR, 18 December 1987, Application No 11329/85, para. 33.
28. Brauch A. Jeffrey. The Dangerous Search for an Elusive Consensus: What the Supreme Court Should Learn from the European Court of Human Rights // *Howard Law Journal*, Vol. 52(2). – 2009. – P. 290.
29. ECtHR. *D.H. and others v. the Czech Republic*, Application No 57325/00, Judgment of 13 November 2007, para. 181.

Oganesian T. D. The doctrine of consensus: the search for a common european standard // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 100–107.

The doctrine of “European consensus” is a key tool of the European Court of Human Rights in interpreting Convention norms and searching for a common European standard. The Court determined that the European Convention on Human Rights is a “living instrument” and that when interpreting the Convention over time, the Court must take into account changing views in society. The European consensus is an element of the so-called evolutionary interpretation of the Convention. However, the details of its origins and scope remain controversial and have occasionally given rise to criticism of the Court for its use of the European consensus concept. Particular attention is paid to the terminological subtleties of using various definitions when formulating consensus. It is noted that the vagueness of the ECHR’s formulations when identifying consensus becomes not only an object of criticism, but also causes difficulties in understanding the “pan-European standard”. In this regard, the legal positions of the ECHR and the doctrinal positions of leading scientists on this issue are analyzed. An analysis of the scientific works of a number of researchers allowed the author to identify some criticisms related to the Court’s use of consensus. The final part of the article notes that with the help of this doctrine, the ECHR maintains the legitimacy of its decisions, but is increasingly resorting to expanding the concept of “consensus”.

Key words: European court of human rights; European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms; protection of human rights; consensus; evolutive interpretation.